

Капайте, капайте, слезы!
Омойте те стопы,
Что принесли нам с неба
Далекий свет звезды.
Молите о прощении!
Грех ищет искупления в слезах.
Пусть в омуте бездонном
Утонут и сомнения, и страх.
Пусть взгляд Его постигнет грех
Лишь через вас, о слезы!

Финеас Флетчер

Глава 1

Ученица модистки

В одном из восточных графств расположен небольшой город, где когда-то проходили выездные сессии суда присяжных. Место пользовалось особым расположением Тюдоров, а благодаря их защите и милостям приобрело великолепие, поражающее современных путешественников.

Еще сто лет назад городок отличался живописной пышностью. Старинные дома, служившие временными пристанищами тех семейств, что довольствовались провинциальными увеселениями, загромождали улицы, придавая им тот беспорядочный, но благородный облик, который до сих пор встречается в Бельгии. Фронтоны и возвышавшиеся на фоне голубого неба многочисленные трубы создавали впечатление причудливого богатства, а ниже взор привлекали разнообразные выступы в виде балконов и эркеров. Особенно забавно было видеть скопление окон, втиснутых в стены задолго до введения мистером Питтом новой систе-

мы налогообложения. От чрезмерного количества нависавших конструкций улицы тонули во мраке. Проезжая часть была дурно вымощена большими круглыми выступающими булыжниками, а защищенные бордюрами тротуары вовсе отсутствовали. Долгими зимними вечерами жителям приходилось передвигаться в темноте. Особенно плохо приходилось тем, кто не разъезжал в собственных экипажах и кого слуги не вносили в паланкинах прямо в дома друзей. Ремесленникам и их женам, лавочникам и их супругам приходилось и днем и ночью пробираться по мостовым с опасностью для жизни. На узких улицах громоздкие неповоротливые экипажи прижимали пешеходов к стенам, в то время как негостеприимные дома гордо распространяли лестницы вплоть до проезжей части, вновь подвергая людей той опасности, которой они избегали шагов двадцать-тридцать назад. В темноте единственным источником света служили тусклые масляные лампы над подъездами аристократических особняков, после чего прохожие вновь ныряли в темноту, где их нередко поджидали грабители.

Мельчайшие подробности минувших времен позволяют яснее понять обстоятельства, в которых формировались характеры. Повседневная жизнь, куда человек попадает с рождения, сам того не осознавая, формирует узы настолько крепкие, что лишь один из сотни находит в себе силы разорвать их, когда приходит время, когда возникает превосходящая все внешние условия необходимость в индивидуальном независимом действии, поэтому будет полезно узнать, в чем именно заключались

жизненные устои, руководившие нашими предками, прежде чем они сумели от них освободиться.

Сейчас древние улицы уже утратили живописность. Знатные семейства, такие как Эсли, Данстены, Вейверхемы, уже полвека назад, если не больше, продали свои особняки и переехали в Лондон. А когда город утратил привлекательность для Эсли, Данстенов и Вейверхемов, разве можно ожидать, что Домвиллы, Бекстоны и Уайлды продолжат проводить зимы пусть и в собственных, но второсортных домах, да еще с возросшими расходами? Поэтому некоторое время роскошные особняки пустовали, пока их не скупил предприимчивые дельцы, чтобы разделить на квартиры, доступные трудовому сословию, или даже (склонитесь пониже, чтобы не услышала тень Мармадюка, первого барона Вейверхема) превратить в магазины.

Однако по сравнению с последующими переделками былого великолепия это было еще не очень плохо. Торговцы обнаружили, что аристократическая улица оказалась слишком темной, поскольку тусклые лампы над дверьми плохо освещали товары. Доктор плохо видел зуб, который следовало удалить. Адвокату приходилось требовать свечи на час раньше, чем во время жизни на прежней, плебейской улице. Короче говоря, по общему согласию одну из сторон улицы снесли и заново застроили низкими, скучными, однообразными домами в стиле Георга III. И все же старинные здания оказались слишком крепкими, чтобы покорно поддаться уничтожению, поэтому порой люди удивлялись, войдя в безликий магазин и внезапно оказавшись у подножия великолепной

дубовой лестницы, освещенной витражным окном и украшенной рыцарскими доспехами.

Много лет назад темной январской ночью по такой лестнице, мимо такого окна (сквозь которое проникал ставший разноцветным лунный свет) устало поднялась Руфь Хилтон. Я сказала «ночью», однако, строго говоря, уже наступило утро. Старинные колокола церкви Святого Спасителя только что пробили два раза, и все же в комнате, куда вошла Руфь, все еще сидело больше дюжины девушек, которые шили с таким неподдельным старанием, словно от этого зависела их жизнь, не решаясь зевнуть или проявить какой-нибудь другой признак усталости. Услышав, как Руфь сообщила миссис Мейсон, который час (за этим ее и послали), они лишь слегка вздохнули, ведь как бы поздно ни закончилась сегодняшняя работа, завтра все равно предстояло явиться к восьми, а они очень устали.

Сама миссис Мейсон трудилась столь же усердно, как все остальные, но была старше и крепче своих учениц, к тому же вся выручка от выполненной работы доставалась ей. Но даже она не могла не признать необходимость отдыха.

— Молодые леди! Перерыв продлится полчаса. Мисс Саттон, позвоните в колокольчик. Марта принесет хлеб, сыр и пиво. Сделайте милость: поешьте подальше от платьев и потом не забудьте помыть руки, прежде чем вернуться к работе, когда я приду. Ровно через полчаса, — очень четко и внятно повторила миссис Мейсон и вышла из комнаты.

Было интересно смотреть, как девушки моментально воспользовались отсутствием хозяйки. Од-

на толстая, особенно тяжеловесная особа опустила голову на сложенные на столе руки и мгновенно уснула. Отказавшись проснуться ради своей доли скудного ужина, она, однако, испуганно вскочила при первом же звуке шагов миссис Мейсон, хотя та еще только поднималась по лестнице. Две-три других швеи пытались согреться возле маленького камина, со всей возможной экономией места и без малейших претензий на украшения устроенного в тонкой легкой стене, которую нынешний хозяин дома воздвиг, чтобы отделить часть обширной гостиной. Некоторые девушки коротали время, перекусывая хлебом и сыром с таким же размеренным и непрерывным движением челюстей (и почти таким же тупым невозмутимым выражением лица), с каким жуют жвачку пасущиеся на лугу коровы.

Кто-то из мастериц расправил и поднял на всеобщее обозрение роскошное бальное платье, в то время как другие отошли на почтительное расстояние, чтобы оценить работу по достоинству. Кое-кто принял свободную позу, чтобы дать отдых уставшим членам; кое-кто позволил себе вдоволь зевать, кашлять и чихать, что не позволялось делать в присутствии миссис Мейсон. А Руфь Хилтон подбежала к большому старинному окну, открыла ставни, прикинула к стеклу так, как птичка прикидает к прутьям клетки, и посмотрела на тихую, залитую лунным сиянием улицу. Было светло, почти как днем, так как все вокруг укрыл белой пеленой падавший с вечера снег. Окно помещалось в глубокой квадратной нише, а странные маленькие стекла были заменены новыми, пропускавшими больше света. Неподалеку на едва заметном ноч-

ном ветерке мягко покачивались пушистые ветки лиственницы. Бедная старая лиственница! Прошло то время, когда она стояла на красивой лужайке, а к стволу ласково приникала мягкая трава. Сейчас лужайку разделили на дворы и хозяйственные территории, а ствол почти вплотную окружили каменными плитами. Снег толстым слоем лежал на ветках и время от времени беззвучно падал на землю. Перестроенные старинные конюшни превратились в череду примыкавших к особнякам жалких хижин, а над всеми переменами от величия к убожеству царило вечно прекрасное пурпурное небо.

Прижавшись горячим лбом к холодному стеклу, уставшими глазами Руфь смотрела на ночную красоту. Хотелось схватить шаль, набросить на голову и выбежать на улицу, чтобы попасть в дивный мир. Когда-то подобное желание можно было тотчас исполнить, но сейчас она неподвижно стояла с полными слез глазами, вспоминая ушедшие январские ночи, похожие на эту и все же совсем иные.

Вдруг кто-то тронул ее за плечо.

— Руфь, дорогая, — прошептала девушка, невольно выдавшая себя долгим и мучительным приступом кашля. — Поешь немного. Ты еще не знаешь, как еда помогает пережить долгую ночь.

— Несколько быстрых шагов на свежем воздухе помогли бы куда больше, — ответила Руфь.

— Но только не в такую ночь, как эта, — вздрогнув от одной лишь мысли, возразила девушка.

— Но почему же не в такую ночь? — удивилась Руфь. — О! Дома я часто бегала по переулку до самой мельницы, чтобы посмотреть блестящие со-

сульки на большом колесе, а потом не хотела возвращаться домой, пусть у камина и сидела матушка. Да, не хотела возвращаться к матушке! — добавила она тихо, с невыразимой печалью в голосе, а потом продолжила, смахнув наполнившие глаза слезы: — Послушай, Дженни! Признайся, что никогда не видела эти жалкие, уродливые, ветхие старые домишки такими — как бы это сказать? — почти красивыми, как сейчас, под мягкой, чистой, белой пеленой. А если даже они так хороши, то представь, как выглядят в такую ночь трава и плющ!

Однако Дженни не разделяла восхищения снежной ночью. Ей зима несла лишь холод и страдания, ведь кашель усиливался, а боль в боку становилась острее, чем обычно. И все же добрая девушка обняла Руфь, радуясь, что сирота-ученица, еще не привыкшая к трудной работе швеи, нашла утешение хотя бы в таком обычном явлении, как морозная ночь.

Так, погружившись в собственные мысли, они простояли до тех пор, пока не послышались шаги миссис Мейсон, а потом, не поужинав, но все-таки немного отдохнув, вернулись на свои места.

Руфь занимала самый темный и холодный угол в комнате, хотя успела его полюбить. Она выбрала место инстинктивно, из-за стены напротив, сохранившей остатки красоты прежней гостиной — судя по поблекшему фрагменту, великолепной. Стена была поделена на панели цвета морской волны, окруженные бело-золотой каймой, а на каждой панели были нарисованы — точнее, свободно и триумфально брошены рукой мастера — прелестные, щедрые, неопишимо роскошные цветочные венки,

настолько натуральные, что, казалось, комнату наполнял сладкий аромат, а среди алых роз, в ветвях фиолетовой и белой сирени, в золотых кистях ракетника шелестел легкий ветерок. Радовали взор посвященные Богоматери царственные белые лилии, розовые мальвы, ясенцы, анютины глазки, примулы — все милые цветы, наполняющие очаровательные старомодные сельские сады, расположенные среди грациозной листвы изящно, а не в том диком беспорядке, в котором я их перечислила. Основание каждой панели украшала ветка падуба, чью строгую прямоту смягчала композиция из английского плюща, омелы и зимнего аконита. По бокам вились гирлянды из осенних и весенних цветов, а венчало праздник природы роскошное лето со сладким ароматом мускусных роз и яркими красками июня и июля.

Конечно, Моннуайе или другой одаренный художник, создавший чудесные букеты, был бы счастлив узнать, какую радость принесла его работа — пусть и поблекшая — печальному сердцу бедной девушки: она живо напомнила ей о тех милых цветах, которые росли, цвели и увядали в саду ее родного дома.

Сегодня миссис Мейсон особенно настаивала на окончании работы, пусть даже для этого мастерицам пришлось бы трудиться всю ночь. Дело в том, что на следующий день должен был состояться ежегодный охотничий бал. После отмены балов выездных судов этот праздник остался единственным городским развлечением. Хозяйка мастерской приняла множество заказов, пообещав во что бы то ни стало утром доставить их по адресам

и не позволив ни одному ускользнуть и достаться сопернице — другой опытной модистке, недавно обосновавшейся на той же улице.

Сейчас начальница решила немного поддержать дух работниц и, кашлянув, чтобы привлечь внимание, заговорила:

— Хочу сообщить вам, молодые леди, что в этом году, как и раньше, я получила предложение позволить нескольким мастерицам явиться в прихожую бального зала с достаточным запасом лент, булавок, иголок, ниток и прочих необходимых мелочей, чтобы в случае необходимости привести в порядок наряды дам. Отправлю четверых из вас — самых добросовестных и старательных.

Последние слова миссис Мейсон произнесла с особым значением, однако напрасно: девушки слишком устали и слишком хотели спать, чтобы думать и мечтать о чем-то ином, помимо кровати и подушки.

Хозяйка мастерской была весьма достойной особой, но, подобно многим другим достойным особам, обладала некоторыми слабостями, одна из которых (вполне естественная для ее профессии) заключалась в чрезвычайном внимании к внешнему виду, поэтому мысленно уже выбрала четырех счастливиц, способных достойно представить «заведение», и тайно приняла окончательное решение, хотя и пообещала наградить самых старательных. Она искренне заблуждалась, не сознавая ошибочности своего выбора и придерживаясь той линии софистики, в соответствии с которой люди убеждают себя, что их желания правильны.

Наконец усталость мастериц проявилась настолько очевидно, что миссис Мейсон позволила им лечь спать. Однако даже это долгожданное распоряжение было исполнено вяло. Девушки медленно сложили работу, медленно навели порядок на своих местах и медленно, тяжело пошли вверх по широкой темной лестнице.

— О, как же вытерпеть эти ужасные ночи целых пять лет! В тесной комнате, в ужасной духоте! Где слышно каждое движение иглы, каждый шорох ткани! — с рыданием проговорила Руфь и, не раздеваясь, бросилась на кровать.

— Нет, Руфь, не всегда будет так же тяжело, как сегодня. Часто мы ложимся спать уже в десять. И к тесноте постепенно привыкнешь. Просто сегодня ты очень устала, иначе звук иглы с ниткой не действовал бы на нервы. Вот я никогда его не слышу. Давай лучше расстегну тебе платье, — попыталась успокоить Дженни.

— Но зачем же раздеваться, если уже через три часа снова вставать и приниматься за работу?

— Если не поленишься раздеться и лечь в постель как следует, то сможешь лучше отдохнуть. Давай помогу, милая.

Руфь прислушалась к совету подруги, однако, прежде чем уснуть, призналась:

— Ах, как я сожалею о своем поведении! По моему, раньше никогда не была такой раздражительной.

— Совершенно верно, — согласилась Дженни. — Многие девочки сначала переживают, но со временем привыкают и уже не обращают внимания на мелкие неудобства.

Увидев, что новенькая уже спит, она добавила:
— Бедное дитя!

Сама она не смогла ни уснуть, ни отдохнуть. Боль в боку ощущалась острее, чем обычно. Ей даже захотелось написать об этом домой, но потом Дженни вспомнила, как высока плата за обучение, которую с трудом вносил отец, о младших братьях и сестрах, и решила потерпеть в надежде, что с приходом тепла и боль, и кашель отступят. Надо только беречь себя.

Но что же случилось с Руфью? Она плакала во сне так, словно сердце разрывалось от горя. Разве такой беспокойный сон вернет силы? Дженни решила разбудить подругу.

— Руфь! Руфь!

— Ах, Дженни! — отозвалась та, села в постели и запустила пальцы в волосы. — Мне приснилось, что мама подошла к кровати, как всегда, чтобы проверить, хорошо ли и удобно ли мне. Но как только я попыталась взять ее за руку, она куда-то ушла и оставила меня одну. Так странно!

— Успокойся, это всего лишь сон. Просто ты рассказывала мне о матушке, а потом долго работала и очень устала. Постарайся снова уснуть, а я понаблюдаю за тобой и разбужу, если увижу что-то неладное.

— Но ведь тебе самой надо поспать. Ах ты господи! — и Руфь опять погрузилась в сон.

Настало утро. Хоть отдых и выдался очень коротким, проснулись девушки полными сил.

— Мисс Саттон, мисс Дженнингс, мисс Бут и мисс Хилтон, будьте готовы отправиться вместе со мной в бальный зал к восьми часам вечера.